

The Royal and Nobiliary “Paradise” in Russian Poetry of the XVIII and First Third of XIX Centuries: Evolution of the Subject and Meaning

Ivanitskiy Alexander Ilitch¹

Professor, The Institute for the highest humanitarian studies of the
Russia States University for Humanities,
Moscow, Russia.

(date of receiving: April, 2019; date of acceptance: July, 2019)

Abstract

In Russian poetry of the era of enlightened absolutism of the second half of the XVIII century. The royal and noble suburban "paradise" acted as the locus of the "new" nature, transformed by the god-like monarch or nobleman into the earthly "paradise" of eternal spring. But at the boundary of XVIII and XIX centuries its main components were cardinally reinterpreted. Now the Nature, returned in its original and indivisible condition, drives the irreversible history. The poet sees in destroyed suburban palace the point for the rethinking of his existence as the part of the irreversible life's movement. Meanwhile the godly world, initially embodied in the suburban "paradise", appears for the poets of the new century at first as the antipode of the frail Nature and then as its spiritually synthesis.

Keywords: Suburban Residence, Glory, Eternal Spring, Elegy, History, Remembrance.

1. E-mail: meisster@mail.ru

Царский и дворянский "парадиз" в русской поэзии XVIII – первой трети XIX вв.: эволюция предмета и смысла

Иваницкий Александр Ильич¹

Профессор, Институт высших гуманитарных исследований
Российского государственного гуманитарного университета,
Москва, Россия.

(дата получения: апрель 2019 г.; дата принятия: июль 2019 г.)

Аннотация

В русской поэзии эпохи просвещенного абсолютизма второй половины XVIII в. царский и дворянский загородный «парадиз» выступал локусом «новой» природы, преображенной богоподобный монархом в земной «рай» вечной весны. После заката Екатерининской эпохи основные составляющие этого топоса получили в поэзии рубежа XVIII – XIX вв. новые значения. Природа вернулась в естественное состояние разомкнутого целого, управляющего необратимой историей. Для поэта разрушенный загородный «земной рай» стал полем осмысления собственной жизни как части необратимой жизни в целом. А божественный мир, исходно воплощенный в рукотворном «парадизе», становится сначала антитезой бренной природы, а затем ее духовным синтезом.

Ключевые слова: Загородная Резиденция, Хвала, Вечная Весна, Элегия, История, Воспоминание.

1. E-mail: meisster@mail.ru

Введение

Апология царских загородных императорских резиденций в русской и одической элегии XVIII – начала XIX веков (М.В. Ломоносова, В.Г. Рубана, позднее – П.И. Голенищева-Кутузова и др.) была существенной составляющей в утверждении государственной доктрины просвещенного абсолютизма. Как показали Л.В. Пумпянский (Пумпянский 1983. 316) и В.М. Живов (Живов 1996. 661–662), в нем монарх предстал демиургом, заново творящим природу и государство по чудодейственной рецептуре античных разума и красоты. Созданные по образцу французского Версаля резиденции в Царском Селе, Петергофе, Павловске и др. воплотили эту божественно (гармонически-рационально) преображенную Природу, дворцы – основанное на ней и управляющее ею идеальное государство, садово-парковая скульптура – античных божеств, одушевляющих природу и задающих ее новый гармонический ключ. Поэзия же была призвана манифестировать навеки возрожденную на земле вечную весну – *«Здесь век златой и расцветает рай»* (Ломоносов 1986, 264). Именно поэтому загородные резиденции получили устойчивый хвалебный эпитет «парадиза».

С учетом этой идейной «нагрузки» интересно проследить, как менялись смыслы составляющих утверждаемой им картины мира русской дворянско-имперской цивилизации (природы, искусства, государства) со сменой ее исторического контекста. Настоящая статья показывает, как эти перемены суммируются эволюцией авторской роли и его самооценки.

Основная часть

I.

Программными текстами такой апологетики в русской поэзии выступают два произведения Ломоносова: ода Елизавете Петровне 1750 г. – *«... благодарение... за... высочайшую милость в Сарском Селе»* и надпись «На

Сарское село...» 1764 года, ставшее любимой резиденцией уже следующей монархини, Екатерины II. Их опорные позиции таковы.

Резиденция – не человеческий, но божественный локус на земле:

*...Как если зданием прекрасным / Умножить должно звезд число,
Созвездием являться ясным / Достоино Сарское Село...* (Ломоносов 1986, 130).

Автор объявляет, что он «...*Небесну тищу ... вкуша[ет], / На верьх Олимпа вознесен!*» (Ломоносов 1986. 127), «...*Поля, где небу подражают...*» (Ломоносов 1986. 129), «...*зиждет... Елисавета / Красу приличну небесам...*» (Ломоносов 1986, 130), и царит «*Эдемской равна красота*» (Ломоносов 1986. 129); «*Луга, кустарники, приятны высоты, / Пример и образец эдемской красоты...*» (Ломоносов 1986. 234). Земной Эдем возможен, поскольку «...*сад богиня насаждает*» (здесь и далее выделено мною – А.И.); «*То само небо создает / Или Петровой дщери власть...*» (Ломоносов 1986. 128, 129).

С одной стороны, Природа нового «Эдема» вновь одушевлена античными богами: «...*нежно Флоры здесь богатство!...*», и – «...*нежны зефиры роскошествуют в цветах...*» (Ломоносов 1986. 127, 234). С другой стороны, она «божественно», но рукотворно преображена в хронотоп вечной весны «золотого века»:

*...Не токмо нежная весна, / Но осень тамо юность года;
Всегда роскошествует природа, / Искусством рук побуждена...* (Там же. 129).

Ср.: в оде «Петергоф» (1801) П.И. Голенищева-Кутузова: «...*Труд человеческий, превыше став природы, / Ее преодолел и новый дал ей вид...*»¹.

1. Сельская усадьба в русской поэзии XVIII – начала XIX века. Москва. - 2005. С. 109. Далее ссылки на это издание – в тексте статьи. А.И.

Важнейшая составляющая этого преобразования – разворот водных потоков с помощью механики, к которой и обращается Ломоносов: «...*Моря соедини реками...*» (Ломоносов 1986: 132); «...*влажна стихия, под разные законы, / Искусству покоря все действия свои... / Направлена к тому, чтоб быть виной отрад...*» («Петергоф», СУ 2005. 109).

Кульминацией этого преобразования водного круговорота в природе является его направление по вертикали: «...*Из самых недр земных, прозрачных вод громады, / Подъяты силою на верх высоких гор, / Рождают быстрые шумящи водопады...*» (Голенищев-Кутузов, «Петергоф», «Сельская усадьба...» 2005, 109). При этом сами античные божества добровольно починяются механике новой «демиургини» - как это объявляет ломоносовская нимфа:

*...ежель оной (царицы – А.И.) воля / Охоту ободрит мою,
Великой в похвалу богине / Я воды обращу к вершине
Речет: и к небу устремлю...* (Ломоносов 1986. 129-130).

Эту новую роль античных божеств - орудий водной механики – воплощает «...*медь, ожившая художничьей рукою*», - скульптура петергофского каскада.

*...Там лев, раздавленный могуществом Самсона.
Из грозных челюстей вверх клубом воду льет;
Здесь зев... крылатого дракона
Простер с крутой горы ревущих вод хребет,
В другой стране Нептун, наяды и тритоны
Бросают с брызгами кипящие струи...* (Голенищев-Кутузов,
«Петергоф», «Сельская усадьба...» 2005. 109).

В этой античности – пластически и «механически» преобразенной для природы земного Эдема, – «...*художеств славных сила / Возможность всю свою и хитрость истоцила...*» (Ломоносов 1986. 234).

Такую божественно преображенную Природу, конечно же, были бы «... *не в силах петь Вергилии, Гомеры...*» (Голенищев-Кутузов, «Петергоф», «Сельская усадьба...» 2005. 109), – но она наполняет своим громоподобным голосом лиру ныне воспевающего ее поэта: «... *что за громы ударяют? / Се глас мой звучно повторяют / Земля, и ветры, и валы!*» (Там же. 133).

Екатерининское освобождение дворян от службы и закрепление за ними навечно родовых имений сделали освобожденных фактически равных царице в пределах родовых феодалов и побудил к уподоблению последних царским «парадизам» – как фактическому, так поэтическому. Топика их восхвалений повторяет, в частности, «антиклизированное» одушевление усадебной Природы. В частности – в анонимной оде «На Крестовский остров графа Кирилы Григорьевича Разумовского» (1773):

*... Какие красоты Природа мне являет!
... Там длани на меня Дриады простирают.
И тению своею от зноя укрывают...
Зефиры резвятся в щастливых сих местах...* («Сельская усадьба...»

2005. 128-129).

Ср почти сорок лет спустя в посвящении А.П. Буниной «На дачу Его Превос. И.И. Кушелева» (1811):

*... Не Флоры ль я в душистом царстве?
Не хитра ль чародейства в рабстве? / Калипсо ль вижу чудеса?
... Здесь сад Киприды прело мною! / Пафосская богиня здесь!..
... Не спят Эроты меж тюльпанов!..* («Сельская усадьба...» 2005.

133-134).

У И.Ф. Богдановича в «Стихах на дачу, называемую Красная мыза» (1775) этому, как и в одах царицам, довлеет ее обновляющее преображение:

«...*Болота превратить в прекрасные луга, / Извлечь из недр земли ключи потоков чистых...*», – управляемое «божественной» рукой уже не царя, а магната:

*...Таких блаженных мест чудесное начало
В старинны времена богам принадлежало,
Но ныне строится Нарышкиных рукой* (Богданович 1957. 166).

Отсюда в анонимной оде «На дачу Александра Андреевича Нарышкина, которая состоит из многих островков», (1773) дворянское имение, вслед за царской резиденцией, объявляется безусловным парадизом: «*Нарышкин, ты сумел природу одолеть, / Умел болотному ты месту повелеть / Преобразиться в рай...*» («Сельская усадьба...» 2005. 128-129). А в упомянутых стихах Буниной – раем библейским:

*...Малюток птишек вереницы / Поют, не зная, есть ли страх.
Готовы гнезды вить в руках... / В такой жил с тварью дружбе
прочной
...Адам лишь только непорочной...* (Бунина, «На дачу ...И.И. Кушелева», «Сельская усадьба...» 2005. 133-134)

Подобно царскому, дворянский «парадиз», чьи места «...*собой Едем изображают...*», - предстает героическим мемориалом: «...*Я зрю Архипелаг внутри сего предела, / Где слава Росския победы возремела...*» («На дачу Александра Андреевича Нарышкина...», «Сельская усадьба...» 2005. 128-129).

В итоге «владельческое» равенство барина царю фактически переводится в том же посвящении Буниной из подтекста в текст: «...*Здесь барин Русской должен жить! / ...кому ж иному можно быть!*» («Сельская усадьба...» 2005. 133-134).

Можно предположить, что именно одическое (этикетное) одушевление природы в античных божествах и его наглядное пластическое воплощение в садово-парковой скульптуре выступает объективным источником рефлекслируемого в дружеском послании и элегии рубежа XVIII – XIX веков поэтического вдохновения вольного помещика, который –

*... в замерзлом ручейке / Видался каждый день с Наядой;
Где куст, береза вдалеке / Казались мне гамадриадой;
А дьяк или и сам судья / Какой-нибудь Цирцеи жертвой...*

(Дмитриев 1967. 252-254).

Такого рода фантазию лирического героя М.Н.Муравьева пробуждают наблюдения вечерних игр поселян:

*... Смиренна Тьма... / Меж берегов крутых струишься плавно.
Маня к себе нимф сельских для игры... / ... Конечно, то живущи
здесь дриады
Иль феи здесь свой держат хоровод. / Летайте вокруг, мечтания,
отрады... (Муравьев 1967. 201-202).*

Почти полвека спустя этот поэтический дискурс обобщает П.А. Межаков в послании «К другу» (1828). Его поэт –

*... приветствует Наяду, / С резвой встретившись волной;
Под древесную корой / Слышит скрытую Дрияду;
В равернушемся цветке / Узнает любимца Флоры;
Слезы нежны Авроры / Видит в каплях на листке;
Гибкая ль качнулись лозы – То Зефир махнул крылом;
Сам Амур вокруг юной розы / Здесь кружится мотыльком...*

(«Сельская усадьба...» 2005. 318-319).

Слово рождается пластикой.

II.

Апология царского парадиза переходит в новую модальность со смертью Екатерины II в 1796 г., ознаменовавшей фактический конец эпохи «просвещенного» абсолютизма, - прежде всего, в элегии Г.Р. Державина «Развалины» (1797) и в во многом ориентирующихся на нее первых «Воспоминаниях в Царском Селе» юного А.С. Пушкина (1814). В них впервые утверждается концепт *истории*, которая, однако, проявляет себя в двух значениях. С одной стороны, екатерининское Царское Село предстает мемориалом героических (военных) свершений «золотого века». У Державина «Эдем... прелестный» на «острове Киприды» – это место, где покойная царица смотрела –

*... На памятник своих побед / [...] Как... ее герои / По манию ее очес
В ужасные вступали бои / И тьмы поделали чудес;
Приступом грады тверды брали, / Сжигали флоты средь морей,
Престолы, царствы покоряли / И в плен водили к ней царей...*

Для смотревшей на них царицы воинские обелиски – памятники истории как утверждения *вечно длящейся современности* золотого века. Но для поэта Царское Село в целом – знак *необратимой* истории, «развалины» великой эпохи, навсегда ушедшей в прошлое:

*... Но здесь ее уж ныне нет, / Померк красот волшебных свет...
... Все в прах упало, помертвело... / ... Лишь плачет сирая любовь*

(Державин 2002. 412).

У Пушкина «Воспоминание...» об ушедшей эпохе в жанре предромантической, т. н. «ночной» элегии соответствующим образом переосмысляет природу царкосельского «Элизума полночного» и «Минервы русской храма». Уже не преображенная, а естественная и ночная:

*...тихая луна, как лебедь величавый, / Плышет в серебристых
облаках.*

...и бледными лучами / Предметы осветила вдруг.

*Аллеи древних лип открылись пред очами, / Проглянули и холм и
луг...*

- она выступает хронотопом воспоминания – воображения **невозвратимого** прошлого, рубежами которого выступают для путника героические обелиски и стелы, когда он -

...в думу углублен, над значными берегами

Сидит в безмолвии, склоня ветрам слух.

Протекиие лета мелькают пред очами...

...Он видит: окружен волнами, / Над твердой мишстой скалой

*Вознесся памятник. Ширяся крылами, / Над ним сидит орел
младой...*

*О, сколь он для тебя, Кагульский берег, поносен! / И славен родине
драгой!..*

Перевод героического мемориала в источник ночного воображения подтверждается Пушкина «державинским» резюме:

...Промчались навсегда те времена златые,

Когда под скипетром великия жены

Венчалась славою счастливая Россия...

Возрев вокруг себя, со вздохом росс вещает:

"Исчезло все, великой нет!" (Пушкин 1949. I, 76).

Будучи преемствен и подобен царскому «парадизу» в жизни и поэзии «золотого века», дворянский разделяет его судьбу с закатом последнего. В

поэзии это сопровождается практически теми же коннотациями и той же топикой. Наиболее наглядно - в двух элегиях И.М. Долгорукого, посвященных, соответственно, подмосковным Кускову и Троицкому: «Прогулка в Кускове» и «Прогулка на трех горах». Кусково, «*Эдема сколок сокращенный*», где «*Свобода, мать увеселенья, / И роскошь с нею заодно / Изобретали наслажденья...*», – теперь руина: «*Валяются стены зал огромных, / И в них не слышно звуков стройных...*» («Сельская усадьба...» 2005. 215-216). И в Троицком -

*...В саду, где ... / ...воздух день и ночь курился
Благоуханьем нежных роз... / Сегодня слышу враньи клики,
И зыблются ограды стен...* («Сельская усадьба...» 2005. 220).

А главным знаменем заката «золотого века» выступает остановка все той же «божественно-скульптурной» механики:

*...Иссякли мраморны фонтаны, / Нептунов сух водопровод,
И брызгов челюсти медяны / Не шлют столбом в небесный свод...*
(«Сельская усадьба...» 2005. 216).

На поместном уровне, однако закат «золотого века» получает новую причинно-следственную синтагматику. Так, крушение кусковского «эдема» предопределяет кончина его фактического создателя, П.Б. Шереметева: «*...Граф Петр Борисович... / ...в землянке тесной уложился...*». Отменяется естественный и жизнотворный механизм смены поколений, поскольку **противоестественна** смерть владетельного «демиурга» кусковского «парадиза», который «*...казался / Бессмертным быть на тверди сей*». Именно эта кончина обнуляет главные социальные и духовные сущности дворянско-имперского «золотого века»: «*Так в свете слава, честь, порода – / Все гибнет волею Творца!*» («Сельская усадьба...» 2005. 217-218).

«Прогулка на трех горах» переводит из подтекста в текст культурное, а отсюда и историческое преемство царского и вельможного парадизов. Троицкое, некогда, принимавшее «Фелицу» – Екатерину, теперь ушло вслед за нею:

*...Давно ль Бояра из столицы / Съезжались туда смотреть,
Как в честь премудрыя Фелицы / Прозрачной будет щит гореть?
...Столты балкона провалились, / Цветы поблекли, птички
скрылись;
Фелица! И Тебя уж нет... («Сельская усадьба...» 2005. 220-221).*

При этом если в «...трех горах» Природа, неподвластная никаким рукотворным преобразованиям, выступает фундаментальным источником жизни и смерти всего сущего, включая царства и царей: «...Земля мильон существ питает... / И после все предастся ей», то в «...Кускове» и она идет к необратимому концу: ««Ветха становится природа... / И само время, враг всего, / С руля свернется своего» («Сельская усадьба...» 2005. 218).

Уже само обращение к элегии говорит о рефлексии автора, осознающего себя в объемлемом / управляемом природой необратимом жизненно-историческом процессе (узлом и объектом которого и выступает царский / вельможный «парадиз»). Его виденные нами составляющие по-новому «конфигурируются» в элегии В.А. Жуковского «Славянка» (1815), посвященной Павловскому дворцовому парку.

Как и в пушкинских царскосельских «Воспоминаниях...» 1814 г., вечерняя (и при этом, осенняя, «*полуотцветшая*») природа Павловского парка в пойме реки Славянки рождает в лирическом герое «воображательные» размышления об ушедшем прошлом: «...Все к размышлению влечет невольно нас... / Как будто здесь (душа) из гроба важный глас / Давно минувшего внимает». Но главными топосами царского парадиза на пути скользящего по парку поэтического взгляда выступают не дворец (вообще не упоминаемый), а

«мавзолей» и «урны гробовые» ушедших монархов (Павла и великих княжон), говорящие поэту, «Сколь все величия мгновены». При этом условно замкнутый Павловский парадиз фактически предстает пейзажем разомкнутой природы:

*... окрест сгустился лес... / ...река вдали мелькает среди долины...
...И вдруг открытая равнина предо мной;
Там мыза, блеском дня под рощей озаренна...
...Противный берег горит, осыпанный зарей;
В волнах блестят прибрежны сени...*

В этих волнах наравне и попеременноотражаются –

*...То... (царский) мавзолей; / То холм муравчатый...
...Здесь храм между берез и яворов мелькает,
Там лебедь, притаясь у берега в кустах,
Недвижим в сумраке сияет...*

Именно первозданная и неделимая природа, а не ее искусственно выделенный «парадиз» объемлет собою судьбы «сильных мира сего» (в виде надгробий). В таком разомкнутом пространстве природы в целом урны уже, по сути, неделимого жизненно-исторического прошлого соседствуют с героическим мемориалом империи:

*... нечувствительно с превратности мечтой
Дружится здесь мечта бессмертия и славы:
Сей витязь, на руку склонившийся главой... (Жуковский 1980. I, 52-*

53).

Такое размыкание условного парадиза в безусловное пространство природы как поля авторского осмысления необратимой жизни развивается в элегии первой трети. В элегиях Н.И. Гнедича «Приютино» (1820) и Е.А.

Баратынского «Запустение» («Я посетил тебя, пленительная сень...», 1834) авторская перцепция своей жизни во времени задана мотивами возврата в родовое имение спустя много лет. Следует отметить, что в «Стихах к Музам на Сарское Село» И. Богдановича (1786) мотив возврата как механизм авторской перцепции не только не отрицает одическую хвалу современному и кажущемуся вечным «золотому веку» Екатерины, но утверждает его собою «от противного».

Исходно Царское Селовыступает предметом «одической» апологии Екатерины, которой здесь -

*...послушны элементы / Порядок естества стремятся превзойти:
Там новые водам открылися пути / И славных росских дел явились
монументы...*

В то же время царкосельский эдем оказывается областью воспоминаемого автором юношеского «бегства» от цивилизации, когда он – «...*В приятных сих местах, / Оставив ...сует житейских бремя, / ...с лирой проводил от дел оставше время...*». Поэтому нынешние усилия поэта спустя 21 год пробудить в себе прежний поэтический жар в отношении «парадиза» и его царственной хозяйки – по сути, стремление вернуться в прошлое: «...*ОМуза!.. / [...]* Наполни мысль мою подобным ныне жаром, / Чтоб Сарского Села представить красоты...». Но, преуспев в этом, Богданович возвращается от воспоминаний к первоначальной одической хвале: «...*Представив, Муза, мне приятности садов... / Забыла наконец намеренье стихов / И всюду хочет петь дела Екатерины*» (Богданович 1957. 181-182).

Между тем, в элегиях Гнедича и Баратынского возврат в родовое гнездо становится рефлексией необратимого угасания жизни во времени сквозь призму природы. В Приютино родной угол неподвластен времени – в отличие от вернувшегося автора:

*...Ты тот же всё еще, край мирный и прелестный!
...Но я уже не тот беспечный сын свободы,
...гибельные годы / Умчали молодость и жизнь моей души...*

(Гнедич 1956. 119).

Однако формой перцепции этой утраты себя оказывается опять-таки не замкнутый мир имения (изобразительно никак не проявленный в элегии), а объемлющая и, по сути, поглощающая его собою Природа в целом: «...кто переходил путь бедствий и крушенья, / Тот знает, отчего душа и дума в нас / Влечется в тихие лесов уединенья...» (Гнедич 1956. 118).

В элегии Баратынского размыкание границ «заглохшего Элизея» (по сути смыкающегося с «большой природой») дано уже безусловно, через его «запустение», заданное заглавием:

*...Пруда знакомого... / Искал прыгучих вод мне памятной каскады...
Вотще! Лишенные хранительной преграды, / Далече воды утекли,
Их ложе поросло травой, / Приют хозяйственный в нем улы
обрели
И легкая тропа исчезла предо мною...*

Этому подспудно довлеет время возврата героя – осенняя пора увядания природы, когда – «...листья мертвые, волнуясь, шумели; / С прохладой резкою дышал / В лицо мне запах увяданья...» (Баратынский 1983. 80-81).

Между тем, сам итог авторского осознания брэнности мира сквозь призму природы у Гнедича и Баратынского переводит в новое качество описанный выше поэтический дискурс. Уже в упоминавшейся «Прогулке на трех горах» Долгорукого брэнность земного мира делает мир горний ее единственной альтернативой: «...пристань... – в Вере лишь одной...» («Сельская усадьба...» 2005. 221). И в «Славянке» Жуковского горний мир выступает противовесом равной брэнности властителей и подданных – «...Как будто мир земной в

ничто преобразился; / Как будто та страна знакомей стала...» (Жуковский 1980. I, 56). Олицетворяется этот мир для поэта в некоем невидимом, но угадываемом ангеле – «прекрасном сыне небес», на которые он в финале автору и указывает. В то же время в «Приютино» и «Запустении» предметом сакрализации становятся утраченные близкие, делающие горний мир искомым и желанным как место будущего воссоединения. Герой «Запустения» предчувствует в увядающей природе родного угла скорый собственный уход и встречу «несрочной весны» с ушедшей ранее возлюбленной: «... У нескудящих ручьев / Я тень священную мне встречу» (Баратынский 1983. 82). В элегии Гнедича сын поэта, похороненный в Приютино в «...мавзолее под ельными ветвями...», хотя «... в виденьях ночи лунной / На небо грустному указывает...», но не противостоит земной (приютинской) природе, а одушевляет ее в качестве «гения места»: «... Незримым гением отеческих полей. / ... Здесь он вливает в воздух сладость, / Свежит цветы, луга...» (Гнедич 1956, 121). Природа не отрицается небесным «духом», но, будучи олицетворена для поэта в ушедшем близком человеке, ложится в его основу.

Заключение.

Анализ показал, что в русской поэзии эпохи просвещенного абсолютизма второй половины XVIII в. царский и дворянский загородный «парадиз» выступал локусом «новой» природы, преображенной богоподобный монархом в земной «рай» вечной весны. После заката екатерининской эпохи основные составляющие этого топоса получили в поэзии рубежа XVIII – XIX вв. новые значения. Природа вернулась в естественное состояние разомкнутого целого, управляющего необратимой историей. А для поэта «заглохший Элизей» стал символом этой необратимости и полем осмысления собственной жизни как части необратимого жизненного движения. Божественный мир, исходно воплощенный в рукотворном парадизе, становится для поэта сначала антитезой брэнной природы, а затем ее духовным синтезом.

Литература

- 1- Богданович И.Ф. (1957). *Стихотворения и поэмы*. Ленинград: Изд-во «Советский писатель».
- 2- Баратынский Е.А. (1983). *Стихотворения и поэмы*. Серия «Литературные памятники». Москва: Изд-во «Наука».
- 3- Гнедич Н.И. (1956). *Стихотворения. Библиотека Поэта*. Большая серия. Ленинград: Изд-во «Советский писатель».
- 4- Державин Г.Р. (2002). *Сочинения. Новая Библиотека поэта*. Санкт-Петербург.
- 5- Дмитриев И.И. (1967). *Полное собрание стихотворений. Библиотека поэта*, Второе издание. Ленинград: Изд-во «Советский писатель».
- 6- Живов В.М. (1996). *Государственный миф в эпоху Просвещения и его разрушение в России конца XVIII века // Из истории русской культуры*. Т. IV (XVIII - начало XIX века). Москва: Изд-во «Языки художественной культуры». С. 657-683.
- 7- Жуковский В.А. (1980). *Сочинения в 3-х томах*. Москва: Изд-во «Художественная литература».
- 8- Ломоносов М.В. (1986). *Избранные произведения. Библиотека поэта*. Ленинград: Изд-во «Советский писатель».
- 9- Муравьев М.Н. (1967). *Стихотворения. Библиотека поэта*, Второе издание. Ленинград: Изд-во «Советский писатель».
- 10- Пумпянский Л.В. (1983). *К истории русского классицизма (поэтика Ломоносова) // Контекст*. 1982. Москва. Сс. 303 - 335.
- 11- Пушкин А.С. (1949). *Полное собрание сочинений. Тт. I-X*. Москва - Ленинград: Изд-во «АН СССР».
- 12- *Сельская усадьба в русской поэзии XVIII - начала XIX века*. (2005). Москва: Изд-во «Наука».

Bibliography

- 1- Bogdanovich I.F. (1957). *Stihotvorenija i pojemy*. Leningrad: Izd-vo «Sovetskij pisatel'».
- 2- Baratynskij E.A. (1983). *Stihotvorenija i pojemy*. Serija «Literaturnye pamjatniki». Moskva: Izd-vo «Nauka».
- 3- Gnedich N.I. (1956). *Stihotvorenija. Biblioteka Pojeta*. Bol'shaja serija. Leningrad: Izd-vo «Sovetskij pisatel'».
- 4- Derzhavin G.R. (2002). *Sochinenija. Novaja Biblioteka pojeta*. Sankt-Peterburg.

- 5- 5-Dmitriev I.I. (1967). *Polnoe sobranie stihotvorenij. Biblioteka pojeta*, Vtoroe izdanie. Leningrad: Izd-vo«Sovetskij pisatel'».
- 6- Zhivov V.M. (1996). *Gosudarstvennyj mif v jepohu Prosveshhenija i ego razrushenie v Rossii konca XVIII veka // Iz istorii russkoj kul'tury. T. IV(XVIII - nachalo XIX veka)*, Moskva: Izd-v «Jazyki hudozhestvennoj kul'tury», S. 657-683.
- 7- Zhukovskij V.A. (1980). *Sochinenija v 3-h tomah*. Moskva: Izd-vo «Hudozhestvennaja literatura».
- 8- Lomonosov M.V. (1986). *Izbrannye proizvedenija. Biblioteka pojeta*. Leningrad: Izd-vo «Sovetskij pisatel'».
- 9- Murav'ev M.N. (1967). *Stihotvorenija. Biblioteka pojeta*, Vtoroe izdanie. Leningrad: Izd-vo «Sovetskij pisatel'».
- 10- Pumpjanskij L.V (1983). *K istorii russkogo klassicizma (pojetika Lomonosova) // Kontekst. 1982. Moskva.Ss. 303 - 335*.
- 11- Pushkin A.S. (1949). *Polnoe sobranie sochinenij. Tt. I-II*. Moskva – Leningrad: Izd-vo «AN SSSR».
- 12- *Sel'skaja usad'ba v russkoj poezii XVIII – nachala XIX veka*. (2005). Moskva: Izd-vo «Nauka».

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Иваницкий, А. (2019). The Royal and Nobiliary "Paradise" in Russian Poetry of the XVIII and First Third of XIX Centuries: Evolution of the Subject and Meaning. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 7(2), 29-46.

DOI: 10.29252/iarll.13.2.29

URL: <http://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/78>

پژوهشگاه علوم انسانی و مطالعات فرهنگی
پرتال جامع علوم انسانی

پارادایس تزاری و درباری در شعر روسیه سده هجدهم و سی سال نخست سده نوزدهم: سیر تکاملی موضوع و مفهوم آن

آکساندر ایلچ ایوانیتسکی^۱

استاد انستیتو پژوهش‌های عالی علوم انسانی، دانشگاه دولتی علوم انسانی روسیه،

مسکو، روسیه.

(تاریخ دریافت: آوریل ۲۰۱۹؛ تاریخ پذیرش: ژوئیه ۲۰۱۹)

در شعر روسیه عصر مطلق‌گرایی و روشنفکری نیمه دوم سده هجدهم، «پارادایس» حومه‌ای تزاری و درباری به عنوان مصداقی از طبیعت «جدید» پدیدار گشت که توسط پادشاه به «بهشت» بهار ابدی تبدیل شده است. اجزای اصلی این توپوس با پایان حکومت دوران کاترین معانی جدیدی در شعر سده‌های ۱۸ و ۱۹ پیدا کردند. طبیعت به حالت طبیعی یک کل باز می‌گردد و یک تاریخ برگشت‌ناپذیر را اداره می‌کند. برای شاعر، «بهشت خاکی» ویران شده، زمینه‌ای برای تأمل و درک زندگی خود به عنوان بخشی از یک زندگی برگشت‌ناپذیر است. دنیای الهی که در اصل در «پارادایس» انسان ساخته شده است، برای ابتدا به عنوان آنتی‌تزی طبیعت خاکی و سپس سنتز معنوی تلقی می‌گردد.

واژگان کلیدی: کاخ خارج از شهر، ستایش، بهار ابدی، سوگواره، تاریخ، خاطرات.